

— Тимофея привезла сюда девушка, — рассказывала Ника. — Она одесситка, я ее знаю, они встречались где-то там, в его Луганске. И вот однажды она уезжает домой, и прямо перед вагоном говорит: или мы едем вместе, или расстаемся прямо сейчас. Ну, и он, конечно, — ты видела, парень решительный, — шагнул в вагон! Правда, тут они разбежались.

Кофе приплыло к нам по воздуху. Каждый из приятелей держал в руках по две чашки кофе в фарфоровых чашках на блюдцах.

Я выпила первый глоток и перестала дрожать.

— Давайте погадаем на кофейной гуще! — предложила Ника и поглядела в чашечку Вована. — Я вижу три поезда!

Вован, больше похожий на доверчивого кудрявого щенка, чем на Главного Хирурга, расплылся в улыбке.

— Это было прошлой осенью. Я пришел на вокзал и решил, что сяду на первый уходящий поезд. Я мог уехать в Харьков, Киев или в Одессу. Первым приехал одесский.

— Долго ехал? — спросила я.

— Двадцать два часа. Ехал и все время думал про море. Даже во сне его видел... А что в твоей чашечке, Желток? — спросил Вован.

Ника заглянула в мою чашку.

— Дерево и корни.

Откуда она узнала?

Это была моя история. В Одессе родилась моя прабабушка. Она много раз рассказывала про день своего рождения за

праздничным столом, вокруг которого собиравшись все родственники. Тут непременно было оливье и красная икра на половинках яйца, слоеный наполеон громоздился на уголке книжного шкафа. Радостная моя прабабушка говорила так: "Я родилась в Одессе в 20-м году. Место — Отрада, улица Ясная. Белые отступали, красные наступали. Мой папа и дядя Вася пошли за доктором. Двумя разными путями, потому что вокруг шли бои". Это была первая история, которую я услышала про этот город. Мне нужно было обязательно увидеть эту улицу Ясную. Понять, в чем отрада.

— Знаешь, как называется этот пляж? — спросил Тимофей.

— Отрада, я уже подумала об этом, — ответила я.

В чашке Тимофея мы тоже обнаружили поезд. Его историю мы уже знали.

— Ага! Дерево и поезда! — сказала я. — А что у тебя, Ника?

На дне ее чашки я увидела самолет.

— Тут самолет! — закричала я.

В этот момент где-то в глубине рюкзака Ники запищал телефон. Ника сняла трубку и стала говорить по-английски. Она описывала море и то, как мы с ней познакомились сегодня, как рисовали портреты друг друга, как пришли на пляж. Единственное, о чем она молчала, были наши спутники в белых футболках.

Главный Хирург смотрел на Нику очень внимательно. Потом надулся.

— Вот так всегда! — сказал он другу.

Море сделалось совсем прозрачным и серым...

Тем летом мы купались с Никой почти каждый день. А когда наступила осень, явился рыжий шотландец и увез ее в Англию.

Примерно в это же время Главный Хирург нашел себе девушку. Она оказалась совсем не похожей на Нику. Темноволосая, строгая, на голову выше моей подруги. И если у Главного Хирурга по-прежнему просматривались женские тонкость и гибкость, то дама его сердца, напротив, напоминала конкистадора.

Ну, а его друг Тима стал моим другом. Похоже, я тоже остаюсь в Одессе.

Я часто вспоминаю тот день. И кофе под дождем... Мы допили кофе, поднялись по ступенькам и спрятались под навес, где слышалась музыка. Внизу на пляже, на узкой площадке под козырьком, темнокорый парень учил группу девушек танцевать румбу. Дождь летел со всех сторон. Мы тоже танцевали, повторяя движения пластичного, влюбленного в самого себя учителя танцев. И подпевали про "корасон эспирато", сердце, полное надежд.

Потому что у каждого из нас были и остаются надежды, связанные с этим городом у моря.

Так началось наше первое лето в Одессе.

с неотвратимым злом преддешена. Но воспитанное сознание по-прежнему борется, не сдаётся.

Благоговейный трепет охватывает человека, стискивает сердце в цепкие объятия страха, когда он приближается к неподвижно лежащему, бездыханному. Он старается уже не смотреть в эти глаза, безучастно устремленные вверх, посиневшие безмолвные губы, бледные застывшие лица, на которых покоится печать великого страдания, вынужденного прощания с жизнью. Они истреблены, они похищены ею.

Но этот другой — он шевелится, бессмысленно вращая глазами, беспомощно вороша пальцами сырую землю и, надвываясь, что-то бессвязно лепечет. Но человек оглушен, он не слышит того, что молвит ему этот мальчик, совсем ребенок. Он улыбается, он плачет, он счастлив, что отыскал, наконец, среди бездны трупов живого, теплого. Он узрел надежду в этих огромных чистых глазах. Он обхватывает это хрупкое тело руками, поднимая эту бесценную ношу, это невинное дитя, бережно прислоняя его к себе. Мальчик спасен, он выживет. Его грудь приподнимается, и он испускает еле слышный, слабый, стиснутый болью стон. Он дышит, он отчаянно цепляется за жизнь.

Поднявшись, герой, хромая, пробирается сквозь завесу черного едкого дыма, покидая этот ужасающий загробный мир, где сотни бесплотных душ, отколотых от жизни, возвышаются в беспредельную пустоту. Непро-

глядный мрак обступает человека. Он назойливо, крадучись, стучится к нему, желая его поглотить. Но человек, дрожа всем телом, шатаясь, словно пьяный, бредет вперед. "Не останавливайся!" — твердит он самому себе, повторяя, словно в бреду. Уши заполняет шум, а в мозг проникает пустота, обездвиженность. Тысячи звездочек, зажженных, словно иллюминация, пляшут в помутневших глазах. Пред человеком разверзается бездна, и он, нечаянно оступившись, потеряв равновесие, проваливается в нее, а руки по-прежнему, словно обмазанные клеем, крепко стискивают хрупкое тело мальчика.

Потревоженный назойливым криком толпящихся пассажиров, старик пробуждается. Взбудораженный, глядит в окно. Пора.

— Вы выходите? — сухо кашлянув, обращается он к массивной мужской спине в черном. Спина безмолвствует. Старик, шаркнув тростью, пытается протиснуться вперед.

— Куда вы лезете! — сердито заявляет сильно надушенная дама в цветастой кофточке, невольно задетая тростью.

— Я тоже выхожу... — кротко отвечает старик. Двери с шумом распахиваются, и толпа выливается на воздух.

Его снова вытолкнули, выпихнули, словно плевков на пыльную улицу. А он, в прогнувшейся фетровой шляпе, изрядно поношенном сером пальто, бывшем в моде в 50-х, опершись о трость с позаранним набалдашником, хромая, ковыляет вперед, старик, солдат, герой.

ритмологическую идентичность отдельных авторов, позиционные типы синтаксической ритмовки, графическую форму стиха и разнообразные приемы рифмотворения.

В названии слышится уловимая переключка с Гумилевым, обращение к синтезу мировой культуры, который в историческом времени русского языка XXI века в огромном географическом пространстве — русский мир — воспроизвел чувство сопричастности с судьбой культуры великой России не как гость и далекий друг, а как первородное дитя. Во многих стихах участников можно опознать традиции Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Полонского, Блока, Маяковского, Пастернака, Ахматовой, Мандельштама, Черного, Есенина, Бродского, Ахмадулиной и других.

Рафаэль Айзенштадт наткнулся на золотую жилу, на певучесть души соотечественников, ту генеральную тенденцию жизни русского зарубежья, когда стихия духовной жизни выразила желание говорить высоким поэтическим слогом, и хлынули в стихи участников турнира паузники, ударники и тактовники русской поэзии, и даже особые ритмы, которые не поддаются контролю, особые приемы просодии, но чаще тяготение к классическому поэтическому рисунку, яркой незатертой звонкой рифме и свежему поиску блестящих дерзких созвучий.

У каждого стиха есть своя тайная борьба мастера со словом, как борьба укротителя с тигром, и, как говорил Илья Сельвинский, "малейшая неточность — и тигр тебя искалечит". Подчиняясь магической силе стиха, мы не слушаем, а переживаем душу поэта. Пользуясь гегелевским определением, можно сказать, что процесс развития поэта есть "беспрепятственное саморазвитие в себе самого Прометея", который "зажигает огнем души мир вокруг себя".

Поэтическое искусство, в первую очередь, воспринимается на уровне подсознания тем, что вызывает высокие волны духовной жизни через необъяснимые огненные токи нервов поэта, которые рождают то особое эстетическое переживание, объясняя необъяснимое тяготение каждого к поэтическому слову. В высоком стихе переживание лещет кровью из аорты, требуя особой формы.

Ряд участников конкурса обнаружили искусство высшего пилотажа, знание техники и азбуки сложнейшего поэтического дела.

Важно то, что у финалистов не было пустопорожних строк. В их стихах чувствовалось напряжение подлинного вдохновения, прекрасная ясность, точность строгого мастерства, интонационная неповторимость.

Торжественно высок и царственно возвышен мелодиями молитвенной скорби голос Ульяны Шереметьевой (Потсдам), ставшей обладательницей Золотой короны и звания Королевы поэтов.

Удивительно яркое поэтическое мир Наталии Пендл (Лампертхайм), полный внутреннего драматизма и упоения соками слова.

В небесной глади открываются вдохновенные мысли Олег Каширский, вслушиваясь в объятия тишины, душевные предчувствия и сомнения.

В поисках свидетельств трагического мига отправляется в поэтические миражи Евгения Рудницкого, наслаждаясь музыкой звукового многоголосья.

В альманахе ярко представлена любовная лирика: Феликс Зигельбаум (Бад-Эмс), Александр Грозубинский (Австралия), Леонид Михелев (Гамбург), Алин Асвиан (Дюссельдорф), Марина Авербух (Берлин), Эмма Слободчикова (Украина), Радомира Шевченко (Гамбург), Роман Вайнер (Мюнхен), Леонид Дынкин (Израиль), Ирина Полякова

Оксана МАКАРЧУК

Крашенный лебедь

Кому-то лебедь скучным показался, Безликой белизна его была. И мастер рьяно за работу взялся, Оранжевыми сделав два крыла.

Раскрасил шею желтым и зеленым, В бордовый грудь, а в голубой бока. Цвета он смешивал легко и упоенно, Порхала кисть, как крыльях мотылька.

Он отступал, окидывая взглядом Ньюансы, блики, точность, пестроту. Хвосту добавил сини винограда, На лбу провел пурпурную черту.

То был шедевр! Но обладать им мало — Признание публики для мастера бальзам! Он ждал похвал и почестей, и славы, Восторга экзальтированных дам.

Был вернисаж, и он — гвоздем программы. Маститые все гости собрались, Ходили парами, кивали головами. А лебедь грустно вглядывался ввысь.

Хвалили мастера и белизну ругали... Как мало лебедей, как много попугаев!

Фонарь

Несу фонарь зажженный днем, Рассеив мрак своим огнем. И сотни душ спаслись невольно, Идя за этим фонарем.

Смущает ночью души мрак — Во тьме таиться может враг. И те, кто слаб и разуверен, Сдаются, опуская флаг.

Дай, Боже, света фонарю! Я силой собственной горю. А души слабые стеноют И уповают на зарю.

Поэты

Поэты сбиваются в стаи, Поддавшись влечению к искусству, Свои обнаженные чувства Изящно в стихи облакая.

С пером и бумагой пускаясь На поиски слова и формы, Словесные строя реформы, В безденежье вечном скитаясь.

Друг другу читая поэмы, Сражаясь на кончиках перьев. Пророча паденье империй, Живут над землей поэты.

Не вечен талант! Умирая, Он гаснет легко и неслышно. И с вечною песней сквозь крышу Душа улетает, сверкая.

Известно, что нет общих рецептов для творчества, и у каждого поэта свой путь. Ничто не должно сковывать живительную воду творческого источника. Ведь в подлинном стихе все сверкает разнообразными красками, кипит, бурлит, звучит многовариантностью ритмов, подобных ритмам природы и окружающего мира, бьет ключом через край, демонстрируя парение свободного полета.

Каковы бы ни были отдельные поэтические судьбы участников этого турнира, сам турнир занял свое место в истории литературы и культуры русского зарубежья как вовсе не случайное явление, а знаковое событие со всем своеобразием поэтической речи XXI века, и заслужил к себе серьезного отношения.

В собранном составителем Рафаэлем Айзенштадтом альманахе "Золотая книга" мы увидели благодарную стихию поэтической речи, общее отношение к русскому языку и русской культуре, глубокое понимание поэтических и эстетических законов. Могло создаться ощущение, что некоторые поэты блуждают в поэтическом лабиринте или пробираются к свету, но, несомненно, для всех путеводной звездой был Александр Пушкин.

Этот альманах точно определяет вехи русского поэтического зарубежья в XXI веке, разнообразие эстетические практики конкретных поэтов четвертой волны русского зарубежья через семантику их поэтического словаря и их уровень работы со словом, но самое главное — стратегии и ценности русской эмиграции, лебединые песни этой четвертой волны, особенности ритмики, метрики и строфики современного поэтического словаря. Большинство участников альманаха пишут традиционным классическим стихом, основанном на регулярном чередовании ударных и безударных слогов. При пристальном анализе можно выявить индивидуальную

(США), Инна Санина (США), Лео Химмельзон (Мюнхен), Светлана Савицкая (Москва). И взгляд на собственную поэзию: Антонина Белова (Москва), Нелли Кунина (Дюссельдорф), Любовь Знаковская (Израиль), Борис Эскин (Израиль), Муза Извокова (Калл-Келденх), Валентина Кайль (Лемго), Валентина Чайковская (Израиль).

Многих победителей и финалистов отличает глубина и сила дарования. Некоторые поэты главный упор делают на метрику, усиленно используют анафоры, эпитеты, аллитерации для особой синтаксической организации стиха. Уникальным представляется опыт Евгения Кагана (Дортмунд), современного внутри текста разные стихотворные формы, которые виртуозно акцентируют апокалиптические моменты эмигрантского бытия.

Но, как заметил организатор турниров Рафаэль Айзенштадт, "И всегда среди подлого и невозможного нам согрели душу гимны любви, юности, красоте, верности и чести. Это они держали нас на плаву — те неразменные ценности, которые помогли нам выжить. И как тысячелетия тому, все опять сводится к десяти заповедям: не убий, не укради, не возжелай, чти..."

Именно эта незаурядная работа организаторов турниров и поэтических альманахов получила самую высокую оценку престижного фонда "Россия XXI век" и портала "Международный университет общественного развития", присвоивших Рафаэлю Айзенштадту и Галине Педаховской звание народных профессоров общественного развития и наградивших их — организаторов турниров и издателей альманахов в Дюссельдорфе — орденами "За выдающийся вклад в общественное развитие, за верность традициям русской культуры за рубежом".